

На правах рукописи

Бохонная Марина Евгеньевна

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ВЕЩНОГО» МИРА В ЯЗЫКЕ
СРЕДНЕОБСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент
Тубалова Инна Витальевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор
Трофимова Елена Борисовна

кандидат филологических наук,
доцент
Наумов Валерий Геннадьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 20 декабря 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан 15 ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л.А. Захарова

Диссертационное исследование посвящено выявлению символического содержания единиц с «вещной» семантикой в языке среднеобского фольклора (на материале лирической песни и частушки).

Научная парадигма конца XX – начала XXI века характеризуется интегративной тенденцией развития наук в русле гуманитарной проблематики. В сферу лингвистических исследований в рамках данной тенденции включаются проблемы содержания ментальных структур человеческого сознания, в частности – особенностей организации традиционного сознания; национально-культурной природы целого ряда общественных явлений; воплощения языкового феномена народной культуры.

В рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике язык изучается в аспекте его соотношения с этносом и культурой (Е. Бартминьский, А. Вежбицкая, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, В.В. Иванов, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и др.). Реферируемое исследование включается в ряд работ указанной направленности.

Актуальность исследования, прежде всего, обусловлена его включенностью в контекст современных исследований антропоцентрической ориентации, в частности в ряд этнолингвистических изысканий. Это связано с особенностями изучения объекта: язык среднеобского фольклора рассматривается как средство фиксации этнического мировоззрения, как система кодирования и трансляции культурно-символической информации. Обращение к фольклору позволяет рассмотреть взаимодействие языка, этноса и культуры и, тем самым, реконструировать традиционное видение мира народом, его эмоционально-оценочную характеристику действительности и систему ценностей.

Современные исследования языка фольклора осуществляются, главным образом, в дискурсивном аспекте (С.Б. Адоньева, Е. Бартминьский, С.Ю. Неклюдов, С.Е. Никитина, М.Н. Телия, С.М. Толстая, А.Т. Хроленко, К.В. Чистов и др.), внимание ученых перемещается в область фольклорной прагматики, что позволяет при анализе языка фольклора учитывать культурный компонент в семантике фольклорного слова. Таким образом, еще одним из аспектов актуальности данной работы является активное расширение границ дискурсивного анализа в современной лингвистике и включением в сферу его объектов языка фольклора.

В связи с актуальностью проблемы языкового воплощения структуры народного мировидения значимым становится изучение миромоделирующих потенциалов «вещного» мира как важнейшей сферы человеческой деятельности. Исследователи, работающие в русле указанной проблематики (Л.Н. Виноградова, С.Е. Никитина, С.М. Толстая, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и др.), отмечают, что вещь в традиционной системе мировосприятия имеет культурно-символическую нагрузку, и рассматривают, как

материальные атрибуты внешнего мира подвергаются процессу символизации в фольклорном тексте и каким образом через функционирование единиц с «вещной» семантикой осуществляется фольклорное миромоделирование. Обращение к интерпретации «вещной» организации действительности в рамках эстетической системы фольклора позволяет описать значимые фрагменты языковой картины мира, выраженные в фольклорных текстах, с новых позиций осмыслить языковой феномен народной культуры, что также определяет актуальность исследования.

В качестве одного из важнейших детерминирующих факторов в текстовом воплощении фольклора является общекультурный контекст его бытия – региональная среда существования как компонент национально-культурного пространства. Исследование региональной специфики проявления народной культуры является в последнее время одним из актуальных направлений современной лингвистики. Обращение к материалу традиционного фольклора в его региональном варианте в данной работе позволяет ввести в научный оборот материал среднеобского фольклора, зафиксированный до настоящего времени фрагментарно. Значимость изучения регионального фольклорного материала обуславливает еще один аспект актуальности исследования.

Принципиальная ориентация на междисциплинарность исследования (привлечение методологии и базовых сведений фольклористики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, текстологии, литературоведения, культурологии, философии языка и др.) также определяет актуальность работы.

Проблема соотношения языка, культуры и этноса уже более двух веков находится в зоне исследовательского интереса. В зависимости от аспектуации объекта изучения указанная проблема разрабатывается в таких направлениях этнолингвистики, как этимологическое (В.В. Иванов, В.Н. Топоров и др.), диалектологическое (С.М. Толстая, Н.И. Толстой и др.), фольклористическое (Е. Бартминьский, П. Ковальский и др.) и др. Данная работа включается в ряд этнолингвистических исследований фольклористического и диалектологического направлений.

Современная этнолингвистика сосредоточивает свой интерес на проблемах культурного символа, языковой картины мира, народного языкового стереотипа и на ряде других вопросов. Применение методов когнитивной лингвистики к исследованию языка фольклора как совокупности культурно значимых текстов позволяет получить информацию об этнокультурном содержании ментальных структур. В соответствии с этим

для данной работы важным является когнитивно-антропологическая доминанта в этнолингвистическом исследовании.

Указанный подход к изучению этнолингвистического материала определяет выбор объекта и предмета исследования, представленного в реферируемой работе.

Объект исследования – слова с «вещной» семантикой, функционирующие в среднеобской лирической песне и частушке.

Предмет исследования – символическое наполнение и системные отношения единиц с «вещной» семантикой в рассматриваемых жанрах как фрагмент фольклорной языковой картины мира.

Цель работы – выявление символического содержания единиц с «вещной» семантикой как значимого фрагмента фольклорной языковой картины мира в среднеобской лирической песне и частушке.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**.

1. Определить семантический статус символического компонента единиц с «вещной» семантикой в языке среднеобского фольклора.

2. Выявить содержание указанного символического компонента единиц с «вещной» семантикой, определяемое в рамках эстетической системы среднеобской лирической песни.

3. Выявить содержание указанного символического компонента единиц с «вещной» семантикой, определяемое в рамках эстетической системы среднеобской частушки.

4. Охарактеризовать специфику символического содержания единиц с «вещной» семантикой в структуре фольклорной языковой картины мира (в среднеобской лирической песне и частушке).

Материалом для исследования послужили тексты фольклорных произведений, собранные во время фольклорных экспедиций в районы бытования говоров Среднего Приобья.

Территория Среднего Приобья охватывает Томскую область, а также северные и центральные районы Кемеровской области. Культурное пространство данной территории имеет определенную специфику. Взаимодействие различных национальных культур – русской, украинской, белорусской, немецкой и др. определяет синтетический характер местной культуры. Особой чертой этого пространства также является относительно позднее (по сравнению со многими территориями бытования русской культуры) время его формирования.

Указанный материал представлен в рукописных записях, хранящихся на кафедре общего литературоведения, и размещен на сайте Томского МИОНа (база данных

Среднеобского фольклора – [http://: www.mion.tsu.ru/sobase](http://www.mion.tsu.ru/sobase)). Наряду с этим в качестве источников для анализа привлекались материалы из опубликованных сборников «Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков» (Собиратель, составитель и автор комментариев П.Е. Бардина), Томск, 1997 г., «Частушки Западной Сибири. Ох! Любовь, Ты Любовь!» / Составитель Г.И. Иванов, Томск, 2002 г., А.М. Мехнецова «Песни русских старожилов Западной Сибири». Вып. 1: Народные песни Томского Приобья, Томск, 2000 г.

В целом объем рассмотренного материала составляет 7522 контекста (включая повторяющиеся контексты), где реализуются единицы с «вещной» семантикой. Из них 1059 лирических песен, 6463 частушки. Объем выявленных единиц с «вещной» семантикой – 272 (в лирической песне — 116, в частушке — 156).

В работе при выявлении символического содержания единиц с «вещной» семантикой в среднеобской лирической песне и частушке в качестве основного использовался **метод** научного описания. В рамках этого метода применялись следующие **приемы**: прием сплошной выборки, направленный на выявление состава единиц с «вещной» семантикой в лирической песне и частушке; прием статистической обработки, направленный на определение частотности употребления слов с «вещной» семантикой в рассматриваемом материале; прием компонентного анализа, направленный на исследование символического наполнения единиц с «вещной» семантикой в лирической песне и частушке; прием контекстного анализа, направленный на анализ контекстуального окружения единиц с исследуемой семантикой, организующего системность их содержательного наполнения в фольклорном тексте; прием сравнительно-сопоставительный, направленный на выявление жанровой специфики реализации рассматриваемых единиц в лирической песне и частушке; прием концептуального анализа, направленный на выявление и описание символики единиц с «вещной» семантикой в лирической песне и частушке с позиций особенностей фольклорного слова, эстетической природы жанра, в котором они функционируют; прием культурно-фоновой интерпретации, направленный на выявление символического содержания исследуемых единиц в лирической песне и частушке как результата категоризации культурно значимых смыслов и как компонента постижения этнической ментальности.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) введен в научный оборот материал среднеобского фольклора, задействованный в научных исследованиях до настоящего времени фрагментарно;
- 2) разработаны критерии и проведено описание реализации единиц с «вещной» семантикой в среднеобской лирической песне и частушке;

3) впервые рассмотрена жанровая специфика экспликации символического наполнения единиц с «вещной» семантикой в среднеобском фольклоре (в лирической песне и частушке);

4) впервые символическое содержание единиц с «вещной» семантикой интерпретировано в эстетической системе среднеобской лирической песни и частушки как фрагмент фольклорной языковой картины мира.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем соотношения языка, культуры и этноса.

Проведенное исследование способствует развитию теории фольклорного текста, позволяя рассматривать его как особое эстетико-идеологическое проявление народной культуры. Результаты работы имеют значение для разрешения актуальной проблемы языкового воплощения структуры народного мировидения, в частности – вербализации значимых представлений об организации окружающей человека действительности, что находит воплощение в фольклоре.

Единицы с «вещной» семантикой являются носителями особого культурно значимого кода, с одной стороны, определяемого содержанием «вещного» кода народной культуры, с другой – эстетической спецификой фольклорного текста. В связи с этим выявление символики указанных единиц также имеет теоретическую значимость.

Теоретическая значимость исследования, кроме того, состоит в разработке единой концепции описания реализации единиц с «вещной» семантикой в среднеобской лирической песне и частушке (учет региональной, фольклорной, жанровой, тематической составляющих), на основании которой могут изучаться другие единицы с иной семантикой в различных жанрах фольклора.

Освещение и решение поставленных проблем способствует дальнейшей разработке теоретических основ этнолингвистики, лингвофольклористики, лексикографии, лингвокультурологии, лингвострановедения, регионоведения, культурологии, этнографии и других наук.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее результаты в преподавании дисциплин гуманитарного профиля: при чтении курсов «Лексикология современного русского языка», «Введение в языкознание», «Введение в славянскую филологию», «Регионоведение», «Лингвокультурология» и др.; спецкурсов «Этнолингвистика», «Лингвофольклористика», «Лингвокультурология», «Лингвострановедение» и др.; курсов филологического развития учащихся в общеобразовательной школе, а также в практике обучения русскому языку как иностранному. Результаты работы могут быть применены при организации

специальных семинаров по разным аспектам изучения народной культуры; при написании ряда дипломных и диссертационных сочинений, исследующих специфику регионального варианта народной культуры; при реализации лексикографических изысканий, в частности при составлении словаря языка фольклора.

Апробация результатов исследования.

Основные положения настоящей работы были представлены на Первом Всероссийском конгрессе фольклористов (2006, Москва), а также на 32 научно-практических конференциях: Всероссийская конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, Томск), Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (2001, 2002, 2003, 2004, 2005, Новосибирск), Международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики» (2003, Томск), Международная научная конференция «Язык и культура» (2004, 2005, Томск), Международная научная конференция «Славянская филология: история и современность» (2004, Барнаул), Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (2002, 2003, 2004, Новосибирск), Всероссийская научная конференция «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (2003, Томск), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2004», «Ломоносов – 2005» (2004, 2005, Москва), Международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (2005, Томск) и др.

Содержание работы отражено в 27 публикациях.

Материалы исследования используются в учебном процессе филологического факультета Томского государственного университета при чтении авторских спецкурсов «Русский фольклор в практике преподавания русского языка как иностранного», «Русская фразеология», при проведении практических занятий по русскому языку у иностранных студентов, а также применяются в учебном процессе Томского гуманитарного лицея при чтении авторского курса «Основы языкознания». Материалы работы, кроме того, размещены на сайте Томского МИОНа (база данных Среднеобского фольклора – <http://www.mion.tsu.ru/sobase>).

Положения, выносимые на защиту.

1. В эстетической системе среднеобского фольклора вещь выступает средством категоризации культурно значимых смыслов. Единицы с «вещной» семантикой в

результате эстетического переосмысления в рамках фольклорного текста приобретают определенное символическое содержание, которое фиксируется в коннотации слова.

2. Содержание символического компонента в значении рассматриваемых слов определяется а) эстетической природой фольклорного текста; б) фольклорным жанром, в котором они употребляются; в) характером песенной разновидности (в лирической песне); г) сюжетом фольклорного произведения.

3. Символическое содержание единиц с «вещной» семантикой приобретает определенную специфику выражения в рамках рассматриваемых тематических групп: «одежда», «музыкальные инструменты», «посуда», «письменные принадлежности», «оружие». Наиболее выраженная символическая нагруженность обнаруживается у слов, представляющих тематическую группу «одежда» («внешняя оболочка внутреннего состояния человека», которая проявляется через комплекс взаимосвязанных символических компонентов «гармония», «защита», «целостность»). В частушке в «вещный» код включаются единицы с «невещной» семантикой.

Структура работы. Диссертация состоит из *введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (602 наименования) и двух приложений*. В *приложении 1* приведены таблицы, отражающие доминантные тематические группы (ТГ) единиц, которые представляют семантическое объединение «вещь» в среднеобской лирической песне. В *приложении 2* приведены таблицы, отражающие доминантные ТГ единиц, которые представляют семантическое объединение «вещь» в среднеобской частушке. Кроме того, в *приложении 2* фиксируется таблица, отражающая группу слов, называющих в бытовом тексте человека и приобретающих в частушке «вещную» семантику.

Основное содержание работы.

Во *введении* обосновывается актуальность работы, новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет научного исследования, описываются материал и методы его изучения, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Теоретические основы исследования символического содержания единиц с «вещной» семантикой в лирической песне и частушке»* излагаются теоретические основы работы, вводятся понятия, значимые для достижения цели исследования.

В первом разделе главы рассматривается история формирования современных представлений об эстетической природе фольклорного текста. Отмечается, что исследование устно-поэтического творчества привело к тому, что в конце XX века начинает оформляться как самостоятельная научная дисциплина особая отрасль

филологических знаний о языке фольклора – лингвофольклористика. Становление и развитие указанной дисциплины связаны с именами московских и петербургских ученых (С.Б. Адоньева, С.Ю. Неклюдов, С.Е. Никитина, С.М. Толстая, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян и др.), исследователей воронежской (Е.Б. Артеменко, С.Г. Лазутин и др.), курской (А.Т. Хроленко, М.А. Бобунова, И.С. Климас и др.), петрозаводской (З.К. Тарланов, А.М. Петров и др.), томской диалектологической (О.И. Блинова, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер и др.) и некоторых других научных школ.

Во втором разделе определяется специфика эстетической природы необрядового фольклора, которая проявляется в его способности выступать средством формирования образно-художественной модели мира и средством воздействия на слушателя, инициируя в нем сотворческую активность и «пропагандируя» традиционные ценности (С.Б. Адоньева, Е.Б. Артеменко, Б.Н. Путилов и др.).

В третьем разделе поясняется значимость для реферируемого исследования жанровой дифференциации фольклора, отражающей идейно-эстетическую структуру народного мировосприятия. Каждый жанр обладает специфичными способами интерпретации действительности и различной степенью эстетической нагруженности (Е.Б. Артеменко, Б.Н. Путилов и др.). В связи с этим демонстрируется важность для реферируемой диссертации учета эстетической природы каждого фольклорного жанра при анализе фольклорной интерпретации внешних фактов действительности.

В четвертом разделе работы определяется специфика фольклорной языковой картины мира. Мировосприятие народа, его знание и социокультурный опыт задают содержание системы когнитивных моделей в сознании человека, образуя его картину мира. Данная система представляет собой модель народного мировидения, содержащую культурно значимую информацию, которая выражается в фольклорных текстах. В соответствии с этим под фольклорной языковой картиной мира в реферируемой работе понимается результат эстетической интерпретации действительности, эксплицитно или имплицитно выраженный в фольклорных текстах.

В пятом разделе обозначаются особенности фольклорного слова, определяющие идентификацию смысла фольклорных произведений. На своеобразии семантического наполнения слова в фольклорном тексте обращали внимание многие ученые (Е.Б. Артеменко, С.Ю. Неклюдов, С.Е. Никитина, И.А. Оссовецкий, Н.И. Толстой, И.В. Тубалова, А.Т. Хроленко, П.П. Червинский, Ю.А. Эмер и др.). По мнению исследователей, слово, попадая в фольклорный текст, в результате эстетического переосмысления расширяет свое содержательное наполнение за счет включения в его семантику символического компонента. Слово в фольклоре демонстрирует особую

фольклорную многозначность, диффузность семантики, ассоциативность, оценочность, вариативность и формульность. Кроме того, оно имеет свойство преобразовывать текстовую семантику в системную, создавая устойчивую символизацию. Символический компонент содержания фольклорного слова рассматривается в работе как элемент коннотации.

В шестом разделе первой главы рассматривается символический смысл вещи, представленный в исследованиях в философском, этнографическом, художественно-эстетическом аспектах, и определяется значимость «вещного» кода в рамках эстетической системы фольклора.

В философском аспекте сущностного описания вещи особо значимым для реферируемой работы представляется антропологическое направление философской науки (Т.Ю. Быстрова, В.В. Бычков, Н.Я. Данилевский, М.С. Каган, Н.И. Киященко, Г. Кнабе, Ю.М. Лотман, В.И. Самохвалова, Вл. Соловьев, М. Элиаде и др.), изучающее вещь как символически нагруженный сакральный компонент культурного пространства.

В рамках исследований этнографической ориентации (А.К. Байбурин, П.Г. Богатырев, С.Ю. Неклюдов, Е.Н. Рябцева, В.А. Семенов, А.В. Черных и др.) вещь рассматривается учеными как символически нагруженный рукотворный элемент материальной культуры, отражающий ритуально-мифологические представления того или иного этноса и демонстрирующий тесную связь с его обычаями и обрядами.

В трудах исследователей художественно-эстетических систем (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, В.В. Розанова, В.Н. Топорова, Ю.Н. Тынянова и др.) объектом научного интереса становится вербальное обозначение вещи. Соответственно, вещь рассматривается как вербальный знак, выражающий художественный символ, и как конструирующий элемент предметного мира, созданного писателем.

Исследователи традиционной народной культуры в ее фольклорном эстетическом выражении (Л.Н. Виноградова, С.А. Кошарная, В.Н. Телия, С.М. Толстая, Н.И. Толстой, И.В. Тубалова, Т.В. Цивьян и др.) рассматривают вещь как вербальный знак культурно значимой реалии окружающей действительности, наделяемый определенным символическим содержанием в результате эстетического переосмысления. Этим определяется значимость «вещного» кода в фольклоре, которая обуславливает особый набор единиц с «вещной» семантикой. Разная степень участия «вещной» атрибутики в рамках эстетической интерпретации фольклорного мира определяется, прежде всего, эмоциональным и функциональным восприятием вещи.

Кроме того, в данном разделе формулируется понимание вещи, представленное в реферируемом исследовании. В работе в качестве слов, называющих бытовые реалии,

рассматриваются единицы, называющие рукотворные, локально незакрепленные предметы бытового обихода. Это продукты духовной и материальной культуры, созданные человеком, в сознании которого устанавливается и символически переосмысливается их назначение.

Вторая глава «Лирическая песня как жанровая среда формирования символического содержания единиц с «вещной» семантикой» посвящена выявлению символического содержания слов, называющих бытовые реалии, в разных видах среднеобской необрядовой лирической песни.

В первом разделе описывается **жанровая специфика** необрядовой **лирической песни**, обуславливающая особое выражение символического наполнения единиц с «вещной» семантикой в рассматриваемом фольклорном жанре. Отмечается, что лирическая песня обладает особым способом интерпретации действительности, при котором «сама традиция понимается <...> как та единственная реальность, которую изображает и выражает народная лирика» [Мальцев Г.И. 1989]. Лирическая песня отражает преимущественно сферу чувств и переживаний человека посредством выражения его идейно-эмоционального отношения к определенным событиям и явлениям окружающего мира. Эстетически значимым при этом признается, во-первых, экспликация внутреннего мира человека за счет использования «вещной» символики, во-вторых, изображение кризисных моментов жизни, имеющих бытийное значение как личного, так и социального характера, переживаемого как индивидуально-личностное, поскольку именно в таких ситуациях наиболее ярко раскрывается внутренний мир человека.

Важным для работы является тематическая дифференциация среднеобских лирических песен, в которых употребляются единицы с «вещной» семантикой (любовные и семейно-бытовые; рекрутские и солдатские; тюремные; хороводные, игровые и шуточные песни). В каждом из указанных песенных видов символика рассматриваемых слов имеет особую природу выражения.

В конце данного раздела представлен результат частотного анализа употребления единиц с исследуемой семантикой, демонстрирующий распределение слов по восьми доминантным ТГ (одежда, оружие, письменные принадлежности, музыкальные инструменты, посуда, бытовая утварь, орудия труда (инструменты), постельные принадлежности) и актуализацию указанных ТГ в рамках каждой песенной разновидности. Выявлено, что в ТГ «одежда» количество зафиксированных единиц – 38 // частотность отмеченных случаев употребления слов (включая повторяющиеся) – 832; в ТГ «оружие» – 22 // 581; в ТГ «письменные принадлежности» – 9 // 113; в ТГ музыкальные инструменты – 6 // 97; в ТГ «посуда» – 13 // 78; в ТГ «бытовая утварь» – 14 // 44; в ТГ

«орудия труда (инструменты)» – 10 // 30; в ТГ «постельные принадлежности» – 4 // 23.

Во втором разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «одежда»**, проявляющих во всех видах лирической песни максимальную частотность употребления и наибольшую выраженность символической нагруженности. В лирической песне данные слова преимущественно реализуют символику «внешняя оболочка внутреннего состояния человека», которая проявляется через комплекс взаимосвязанных символических компонентов «гармония», «защита», «целостность»: в любовной и семейно-бытовой лирике (Героиня после ночи, проведенной с нелюбимым человеком: *А дождик мне резал лицо, / смочил мое белое платье, / я тихо вошла на крыльцо. / Снимала я белое платье, / ложилась в постелью одна.*) и т. д. Символическое содержание рассматриваемых слов обусловлено бытовой функцией вещи: облакая человеческое тело, одежда выступает как средство защиты от влияния внешнего мира. Это коррелирует с особым сакральным статусом одежды (Б.А. Рыбаков, М. Семенова, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и др.). В лирической песне одежда изображается как внешняя оболочка человека, составляющая гармоничное единство с его внутренним миром и выступающая как оберег. Различные манипуляции с одеждой способствуют экспликации выражения отношения человека к окружающей действительности (Ср.: *По чердачку он долго шлялся, / себе веревочку искал. / Порвал шинель, порвал рубаху, / себе веревочку извил. / Перекрестился, стал спускаться, / солдат заметил, выстрел дал.* Разрушение героем защиты для спасения из острога и т. д.).

Выявлено, что единицы, называющие предметы одежды, в основном, реализуются в сюжете жизненной дисгармонии. Соответственно, обозначаемая ими «внешняя оболочка» закрепляется в сюжете, главным образом, как разрушенная: в любовной и семейно-бытовой лирике (*И там по реке под горою высокою / женское тело плывет. / Плывет оно, между камнями цепляется, / мертвые смотрят глаза, / платье на ней изодралось, / ветка впелась в волосы.*), в тюремных песнях (*Недалеко по коридору / гуляет строгий часовой, / сижу в оборванной рубахе / и без полтины за душой.*) и т. д.

Функционирование единиц, называющих предметы одежды, обусловлено актуализацией эмоционального состояния персонажа и связано, как правило, с выражением минорного настроения.

В третьем разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «оружие»**, активно употребляющихся в рекрутской и солдатской, любовной и семейно-бытовой лирике. В данных песенных разновидностях они реализуют символику «дисгармония», «негативное деяние» (*Зачем меня пуля так рано сразила, / на землю свалила, как сноп? // И точно я зверь озлобленный / к изменнице*

вдруг подскочил / и в грудь я ее молодую / кинжал ей по ручку вонзил.). Символическое содержание рассматриваемых единиц обусловлено бытовой функцией вещи: оружие выступает средством нападения, физического воздействия на противника. В лирической песне оружие зафиксировано в процессе его функционирования: разрушительного воздействия на человека.

Выявлено, что в рекрутских и солдатских песнях единицы с семантическим компонентом «оружие» называют принадлежащие мужчине объекты, активно воздействующие на человека с целью нанесения ему вреда / лишения его жизни, и выражают символический компонент «негативное деяние, направленное на разрушение в основном «своего» мира лирического героя» (*Тут как младший винтовку схватил, / и случилась тут страшная битва. / Младший старшему в сердце вонзил.*). В любовной и семейно-бытовой лирике данные слова проявляют символический компонент «негативное контролируемое и целенаправленное деяние», номинируя принадлежащие как мужчине, так и женщине объекты физического воздействия на человека, результатом которого может быть либо нанесение удара, что характерно для семейно-бытовых песен (*Взял он в руки эту плеть / и давай меня стегать. / Вот стегал он и стегал, / ему стало жалко. / Бросил в угол эту плеть, / захватил он палку.*), либо немедленная смерть, что свойственно, как правило, любовной лирике (*Князь, пойдя, посмотри на игрушку свою, / она с кинжалом в груди в бедной сакле моей. / Я ее умертвил за неверность ее.*).

Рассматриваемые слова функционируют в сюжете жизненной дисгармонии. Их актуализация определяется потребностью выразить эмоциональное отношение героев к дисгармоничному состоянию мира. Причем употребление данных слов в разных видах лирической песни обуславливает особое эмоциональное выражение: в рекрутских и солдатских песнях – трагизм, в песнях любовного содержания – накал страстей, в семейно-бытовой лирике – угнетенность тяжелой долей.

В четвертом разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «письменные принадлежности»**, употребляющихся в рекрутской и солдатской лирике и в песнях любовного содержания. В данном разделе говорится о представлении особого материала, специфика которого определяется, во-первых, высокой степенью различия в частотности реализации рассматриваемых слов (Ср.: Единицы *письмо* – 140, *записка* – 52, *бумага* – 28, остальные слова зафиксированы не более 15 раз.), во-вторых, их разноаспектной символической нагруженностью. В связи с этим отдельное внимание уделяется рассмотрению особенностей проявления символического содержания слов *письмо*, *записка*, демонстрирующих максимальную частотность употребления и наибольшую смысловую оформленность. Отмечается, что

остальные слова не четко проявляют общую с ними символику.

В работе устанавливается, что единицы, называющие письменные принадлежности, связаны с реализацией символики «средство для создания и передачи информации», которая проявляется в рекрутской и солдатской лирике как «средство для осуществления связи героя и его семьи в трагических ситуациях» (*Лежу в лазарете, / так тяжело я вздыхаю, / подай мне, сестрица, воды. / Подай мне чернила, / подай мне бумаги, / родным я письмо напишу.*), в песнях любовного содержания как «средство для возможности выражения героиней любовных чувств» (*Дайте мне чернила, ручку и перо, / напишу записку, брошу я в окно, / пусть он прочтает, как люблю его.*). Кроме того, слова *чернила, бумага, ручка, перо* реализуют символический компонент «важные составляющие атрибуты для создания и передачи такой информации». Символическое содержание исследуемых единиц обусловлено бытовой функцией вещи: письменные принадлежности служат средством для создания и передачи информации адресату, который от адресанта может находиться на любом расстоянии. В лирической песне вещь, как правило, маркирует модель внутреннего мира человека в его отношении к окружающей действительности. Соответственно, символическое наполнение рассматриваемых слов тесно связано с семантикой, которую они реализуют в бытовом тексте. В данном жанре письмо, фиксируясь в рекрутской и солдатской лирике, передает сообщение о трагических событиях близким адресанту людям, которых друг от друга разделяет большое расстояние. Функционируя в песнях любовного содержания, оно передает сообщение о проявлении любовных чувств героини к милому, которые оказываются безответны. Записка, реализуясь только в любовной лирике, передает краткое сообщение, касающееся влюбленной пары, близким людям, находящимся на небольшом расстоянии от адресанта.

Выявлено, что рассматриваемые слова преимущественно участвуют в организации сюжета любовной / жизненной дисгармонии. Закрепляясь за стандартными песенными ситуациями, они связаны с маркировкой определенного (в зависимости от описываемой ситуации) внутреннего состояния человека.

В пятом разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «музыкальные инструменты»**, употребляющихся в любовной лирике и в хороводных, игровых и шуточных песнях. Данные слова реализуют символику «выразитель внутреннего состояния человека», которая, как правило, проявляется через символический компонент «выразитель веселого настроения» (*Откуда миленький идет, / во руке гармонь несет. / Сам играет и поет: / «Сам играю, сам пою, / хорошо в нашем краю». // Балалаечка наигрывает, / Расториха наплясывает. / Она юбкою*

потряхивает, / а ногами-то притопывает, / а руками-то прихлопывает.). Символическое содержание единиц с семантическим компонентом «музыкальные инструменты» обусловлено бытовой функцией вещи: выражать настроение исполнителя и создавать настроение у слушающей аудитории, участвуя таким образом в эстетической коммуникации. В лирической песне музыкальные инструменты чаще всего фиксируются во время их звучания. Они изображаются как необходимые атрибуты человека на свидание, на празднике. В данном жанре, в отличие от частушки, исследуемые слова значительно реже создают антропоморфные образы, что обуславливается эстетическими особенностями и прагматической направленностью фольклорных жанров.

В работе устанавливается, что рассматриваемые единицы функционируют, как правило, в сюжете жизненной гармонии, которая актуализируется в песнях любовного содержания через описание встречи любящей пары, в хороводных, игровых и шуточных песнях – за счет описания сбора мужских и женских персонажей для развлечения. Реализация слов, называющих музыкальные инструменты, связана с выражением преимущественно позитивного настроения.

В шестом разделе второй главы выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «посуда»**, функционирующих преимущественно в любовных песнях и демонстрирующих низкую частотность реализации. Рассматриваемые слова в лирической песне реализуют символику «гармония», которая проявляется через символические компоненты «мироустройство, идеальное по своей природе», «единение», «связь», «любовь», «обязательная принадлежность человека», «маркер «своего» пространства». При этом обозначаемая «гармония», главным образом, по ходу развития сюжета не разрушается (*Добрый вечер, стара мати, / дай воды напиться. / Твоя дочка красавица, / позволь подивиться. / – Вода в хате, кружка в сене, / пойдя да напейся. / Дочка лежит на кровати, / поди подивися.*). Символическое содержание единиц с семантическим компонентом «посуда» обусловлено бытовой функцией вещи: вмещать еду, питье, служить для хранения припасов, использоваться, как правило, в границах дома. В лирической песне посуда обязательно должна быть чем-либо наполнена и выполнять функцию маркировки нормативного «своего» пространства.

Утверждается, что исследуемые слова в лирической песне преимущественно функционируют в сюжете жизненной гармонии, которая проявляется как нормативное устройство мира, а также как гармония в любовных отношениях.

В итоге выявляется, что единицы с «вещной» семантикой, употребляясь преимущественно в любовной и семейно-бытовой, рекрутской и солдатской лирике, участвуют, главным образом, в формировании символического комплекса значений

«гармония», «внешний маркер внутреннего состояния человека». На актуализацию указанной символики рассматриваемых слов влияет текстовое окружение: главным образом, глаголы с деструктивной семантикой, глагольные формы с отрицательной частицей *-не*, реже слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, цветочные прилагательные, причем последние сочетаются, как правило, с единицами, называющими предметы одежды. Наиболее выраженную символическую нагруженность и наиболее высокую частотность словоупотреблений демонстрирует ТГ «одежда».

Единицы с «вещной» семантикой способны организовывать определенную смысловую парадигматику: *рубашка / платье*: (мужское / женское); *юбка / платье*: (девичество / замужество); *кофта / юбка*: (верх / низ); *чернила – бумага – письмо*; *чернила – ручка – перо – записка*; *бумага – письмо*; *бумага – записка*; *письмо – конверт*; *перо – бумага*; *чайки – ложки*; *самовар – чайки*, например, (*Я принес вам по подарку: / я мамаше – на рубашку, / а мамаше – черно платье. // Подай мне чернила, подай мне бумаги родным я письмо напишу. // С одной чашечки с ней мы напивались, / с одной ложечки с ней мы наедались.* и т. д.). Парадигматические отношения указанных слов, основанные на соотношении символического содержания каждого из них, обуславливают выстраивание целостного культурно значимого смысла.

Единицы с «вещной» семантикой обнаруживают последовательную связь с сюжетом, фиксирующим любовную, шире – жизненную дисгармонию. Реализация единиц с «вещной» семантикой в лирической песне определяется потребностью выразить эмоциональное отношение героев к дисгармоничному состоянию мира. Употребление их в разных видах песен определяет особое эмоциональное выражение.

Третья глава «Частушка как жанровая среда формирования символического содержания единиц с «вещной» семантикой» посвящена выявлению символического содержания слов, называющих бытовые реалии, в частушке.

В первом разделе описывается **жанровая специфика частушки**, обуславливающая особое выражение символического наполнения единиц с «вещной» семантикой в рассматриваемом фольклорном жанре. Отмечается, что частушка – позднетрадиционный жанр фольклора, тесно связанный своими истоками с традиционной песенной лирикой, призванный передавать преимущественно экспрессивно окрашенное отношение к бытовым событиям и отражающий проявление индивидуального начала. В отличие от лирической песни, частушка представляет собой непосредственную реакцию на определенные бытовые ситуации (С.Б. Адоньева, Б.Н. Путилов и др.). Актуализация частушкой различных подробностей бытовой обстановки, влияющих на выражение

эмоций человека, обуславливает функционирование в ней большого количества единиц с «вещной» семантикой.

В основе данного жанра лежит карнавальное начало, определяющее возможность реализовывать взаимодействие традиционного и импровизационного в построении текстов: ограничивать выражение символического содержания слов и, в то же время, расширять возможности их ассоциативно-логической, свободно-поэтической связи. При этом для работы значимо, что одним из основных объектов карнавализации являются бытовые реалии (*У моей у милочки / все по новой моде: / чашки, ложки под столом, / курочка в комодe.*). Частушка дает новую интерпретацию общечеловеческим, бытовым представлениям, сохраняя при этом их связь с действительностью. Так, например, если ситуация измены в лирической песне окрашена трагически, «частушки демонстрируют новое отношение к ситуациям, складывающимся в общении между молодыми людьми. Изменил, пошел с другой, обидел – эти извечные проблемы в частушке, как правило, изображаются весело, с озорством» [Костюхин Е.А. 2004]: (*Мене милый изменил, / а я не страдаю. / Я такого крокодила / в озере поймаю.*). Особая «карнавальная» интерпретация действительности в частушке способствует созданию эффекта неожиданности, обуславливающего смеховую реакцию у слушающей аудитории (С.Б. Адоньева, В.П. Аникин, А.И. Лазарев, С.Г. Лазутин и др.). Проявление его становится определяющим при описании эстетической природы жанра.

В конце раздела представлен результат частотного анализа употребления единиц с исследуемой семантикой, демонстрирующий распределение слов в рамках рассматриваемого жанра по восьми доминантным ТГ (одежда, музыкальные инструменты, посуда, письменные принадлежности, бытовая утварь, оружие, орудия труда (инструменты), постельные принадлежности). Особняком стоит группа слов, называющих в бытовом тексте человека и приобретающих в частушке «вещную» семантику. Выявлено, что в ТГ «одежда» количество зафиксированных единиц – 52 // частотность отмеченных случаев употребления слов (включая повторяющиеся) – 3563; в ТГ музыкальные инструменты – 7 // 2644; в ТГ «посуда» – 28 // 1056; в ТГ «письменные принадлежности» – 8 // 160; в ТГ «бытовая утварь» – 27 // 156; в ТГ «оружие» – 15 // 130; в группе слов с семантическим компонентом «вещь» – 8 // 113; в ТГ «орудия труда (инструменты)» – 7 // 44; в ТГ «постельные принадлежности» – 4 // 17.

Во втором разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «одежда»**, демонстрирующих максимальную частотность употребления и наибольшую выраженность символической нагруженности. Устанавливается, что в частушке, как и в лирической песне, данные слова, главным

образом, реализуют символику «внешняя оболочка внутреннего состояния человека», которая проявляется через комплекс взаимосвязанных символических компонентов «гармония», «защита», «целостность». При этом, в отличие от лирической песни, жанровая специфика частушки определяет стабильное включение в коннотативное символическое содержание рассматриваемых слов еще и символических компонентов «озорство», «раскованность», «деканонизация» (*Ах, юбка моя, / четыре волана. / То ли дома ночевать, / то ли у Ивана. // Что ж ты, милый, не пришел, / я тебе велела? / До пяти часов утра / без штанов сидела.*). Символическое содержание исследуемых единиц обуславливается, во-первых, бытовой функцией вещи (см. Гл.2.), во-вторых, спецификой жанра: произвести комический эффект, который часто создается за счет «обнародования» интимно-эротической тематики, неизменно привлекающей своей «запретностью» слушателя. Активное участие именно рассматриваемых единиц (*юбка, штаны, трусы* и др.) в организации данного содержания определяется тем, что они называют предметы одежды, которые находятся ближе всего к интимной сфере человека и служат своеобразной «защитой» его тела.

Выявлено, что единицы, называющие предметы одежды, связаны, как правило, с сюжетами, маркирующими различные взаимоотношения между людьми, в частности взаимоотношения в молодежной среде (милого и милой, героини частушки и соперницы), молодежи и старшего поколения (девушка, реже юноша и их родители или соседи), а также сюжет самопрезентации (проявления индивидуального начала исполнителя в молодежной среде: *Я надену платье бело, / буду я красавица. / Пусть лентяи не подходят, / пока не исправятся.*). Функционирование данных единиц обусловлено актуализацией эмоционального состояния персонажа и связано, как правило, с экспликацией веселого, озорного настроения.

В третьем разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «музыкальные инструменты»**, активно фиксирующихся в жанре частушки. Данные слова участвуют в реализации символического комплекса значений «дифференциация мужского и женского начал», «выразитель внутреннего состояния человека», последнее проявляется как «выразитель веселого настроения», «выразитель любовных чувств» (*Ваня, Ванечка. / У Ванечки балалаечка. / Как же Ваню не любить. / С Ваней весело ходить. // Я на Ванину гармошечку / наляпаю вина. / Чтобы Ванина гармошечка / играла для меня.*). Символическое содержание единиц с семантическим компонентом «музыкальные инструменты» обусловлено бытовой функцией вещи (см. Гл.2.). В частушке музыкальные инструменты преимущественно изображаются во время их звучания. Однако, в отличие от лирической песни, нередки

случаи их фиксации вне процесса извлечения мелодии. Музыкальные инструменты представлены как необходимые атрибуты человека, главным образом мужчины, практически во всех жизненных ситуациях. Они, с одной стороны, становятся средством «материализации», «осязаемости» внутреннего состояния человека, с другой – являются посредниками при взаимодействии человека с внешним миром, в частности с другим человеком. Кроме того, единицы, называющие музыкальные инструменты, в частушке активно создают антропоморфные образы.

Определяется, что рассматриваемые слова чаще всего актуализируются в характерных частушечных сюжетах: коллективного веселья, свидания любящей пары. Их функционирование стабильно связано с экспликацией экспрессивно окрашенных чувств и позитивного настроения.

В следующем разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «посуда»**, активно употребляющихся в частушке. Исследуемые слова в данном жанре, как и в лирической песне, реализуют символику «гармония», которая выражается через символические компоненты «норма», «мироустройство, идеальное по своей природе», «единение», «связь», «любовь» (*У меня баночка есть, / в баночке помада. / У меня Ванечка есть, / больше мне не надо. // Мне не надо пуд муки / и не надо сита, / меня милый поцелует, / я неделю сыта.).* Символическое содержание единиц с семантическим компонентом «посуда» обусловлено, прежде всего, бытовой функцией вещи: служить средством для еды, питья и хранения припасов, а также участвовать в моделировании пространства дома. В частушке, в отличие от лирической песни, помимо единиц, называющих емкость, используется слово *вилочка*. Посуда в частушке, главным образом, выполняет функцию маркировки нормативного пространства как структуры идеального мироустройства: она должна применяться преимущественно в пределах «своего» мира и выполнять присущее ей предназначение (Ср.: *Говорила я ему: / «Не ешь жарко без вилочки! / Дошурюешь до того, / останешься без милочки».*), если посуда служит емкостью для хранения припасов, то, как правило, она должна быть чем-либо заполнена. Карнавальное начало при этом может обуславливать представление идеальной модели мира как антинормированного пространства. Дисгармония создается за счет описания, во-первых, заполнения посуды нехарактерным содержимым (*Дед бабушку посадил в кадку, / поливал ее водой, / чтобы стала молодой.*), во-вторых, выполнения посудой не свойственного для нее назначения (*Моя милка Акулинка, / за рекой она жила. / Захотела повидаться, / в решете переплыла*). Однако экспликация любой антинормированной ситуации в частушке в соответствии с эстетическими задачами жанра маркирует представление об идеальном мироустройстве.

В данном разделе отмечается, что исследуемые слова, как правило, связаны с сюжетом, фиксирующим гармонию в любовных отношениях.

В пятом разделе выявляется **символическое содержание единиц с семантическим компонентом «письменные принадлежности»**. Указанный материал в работе определяется как особый. Его специфика выражается в крайне неравномерной в количественном отношении фиксации единиц (Ср.: Слова *письмо* – 278, *записка* – 113, *бумага* – 38, остальные единицы зафиксированы не более 13 раз.). Соответственно, акцент в реферируемой работе ставится на рассмотрении особенностей проявления символического содержания единиц *письмо*, *записка*, демонстрирующих максимальную частотность употребления и наибольшую смысловую оформленность. При этом отмечено, что остальные слова, зафиксированные в единичных контекстах, проявляют общую с ними символику: «посредничество во взаимоотношениях милого и милой», «связь», «гармония», «посредничество при передаче информации», последний смысловой компонент часто проявляется как «посредничество при передаче любовных переживаний» (*Дай, подружка, карандаш, / напишу, ты передашь. / Если спит, то не тревожь, / подыди – на грудь положи. // Прилетело письмецо / на парадное крыльцо. / Не пипись, не елося, / все читать хотелось. // Написала про любовь / Ванечке в записочке. / Провожает он теперь / прямо до калиточки.*). Символическое содержание исследуемых слов обусловлено бытовой функцией вещи (см. Гл.2.). В частушке письменные принадлежности, прежде всего, выступают как посредники в передаче информации, в основном, любовного характера.

Выявлено, что исследуемые единицы участвуют в частушечном сюжете, фиксирующем любовные взаимоотношения между милым и милой. При этом отмечается, что письмо связывает милого и милую, которые находятся преимущественно на большом расстоянии друг от друга, записка является посредником, как правило, у влюбленной пары, находящейся на небольшом расстоянии друг от друга.

В шестом разделе третьей главы выявляется **символическое содержание единиц, называющих в бытовом тексте человека и приобретающих в частушке «вещную» семантику**. Значимо, что рассматриваемые слова употребляются исключительно в частушке как маркеры жанровой эстетики. Эстетической природой жанра обусловлено их символическое содержание. В соответствии с законами карнавализации частушка расширяет круг единиц с «вещной» семантикой за счет наделения изображаемых одушевленных объектов предметными свойствами. Исследуемые слова связаны с реализацией символического комплекса значений «вещь», «озорство», «лихость», «отчаянность», «деканонизация» (*Брось, милочек, жenu, / поезжай на станцию. / Сдай*

жену свою в багаж, / потеряй квитанцию. // Я свою соперницу / отвезу на мельницу. / Разотру в порошок, / водяной чтоб уволок.). Посредством описания антинормативного состояния человека частушка фиксирует нормативное устройство мира: нелюбимая жена, соперница не должны мешать развитию отношений любящей пары и т. д.

Утверждается, что данные слова реализуются в сюжете взаимоотношений милой, милого и соперницы. Использование рассматриваемых единиц стабильно связано с экспликацией оценочного отношения, чаще всего ироничного, к обозначаемым ими образам.

В итоге выявляется, что единицы с «вещной» семантикой в частушке демонстрируют высокую частотность реализации, по сравнению с их актуализацией в жанре лирической песни. Они связаны с реализацией символического комплекса значений «гармония», «посредничество между мужским и женским началом», «внешний маркер внутреннего состояния человека, главным образом, его настроения», «озорство», «раскованность», «деканонизация». На актуализацию указанных символических компонентов рассматриваемых слов влияет текстовое окружение: преимущественно экспрессивно окрашенная лексика (бранные слова, слова с уменьшительно-ласкательными, пренебрежительными суффиксами, окказиональные частушечные единицы (*прочичикать*), междометия и т. д.), особое звуковое оформление текста, а также цветочные прилагательные, причем последние сочетаются чаще всего со словами, называющими предметы одежды. Наибольшую смысловую оформленность и наиболее высокую частотность словоупотреблений демонстрирует ТГ «одежда».

Единицы с «вещной» семантикой могут организовывать определенную смысловую парадигматику: *кофта / юбка*: (верх / низ); *юбка / платье*: (девичество / замужество); *рубашка / платье*: (мужское / женское); *фуражка / кофта*: (мужское / женское); *ботиночки / лапти*: (девичество / замужество); *гармошка / балалайка*: (мужское / женское); *записка – карандаш; чернилка – перо; письмо – конверт; чашки – ложки; самовар – чашки; лоханка (тарелка, чашка) – ложка*, например, (*Моя милка платье мыла, / я рубаху поласкал. / Моя милка потонула, / я рубаху достал. // Гармонист, гармонист, / от лоханки ложка, / но не ты меня завлек, / завлекла гармошка. // На столе стоит чернилка, / а в чернилке два пера. / Ты скажи, моя подружечка, / с кем гуляла ты вчера?* и т. д.). Парадигматические отношения указанных слов, основанные на соотношении символического содержания каждого из них, обуславливают выстраивание целостного культурно значимого смысла.

Исследуемые слова преимущественно закрепляются за сюжетом, фиксирующим взаимоотношения молодежи, чаще всего – милой и милого. Реализация данных слов

определяется потребностью выразить эмоциональное отношение героев к любым проявлениям жизни, к другому человеку. Их функционирование в частушке, как правило, связано с экспликацией экспрессивно окрашенных эмоций, веселого настроения и живой атмосферы.

Заключение представляет собой обобщение результатов исследования.

1. Фольклорный текст как особая эстетико-идеологическая интерпретационная система народной культуры определяет формирование специфичного символического содержания фольклорного слова. Указанное символическое содержание фиксируется в коннотативном компоненте значения слова, формируя текстовую систему культурно значимых кодов (природного, цветового и др.). Особую роль в данной интерпретационной системе приобретает «вещный» код, зафиксированный в фольклорном тексте единицами с «вещной» семантикой.

2. Специфика символического наполнения единиц с «вещной» семантикой обусловлена жанровыми особенностями их реализации, поскольку каждый жанр обладает особыми способами видения действительности и различной степенью эстетической нагруженности.

2.1. В лирической песне рассмотренные единицы участвуют преимущественно в формировании символического комплекса «гармония», «внешний маркер внутреннего состояния человека».

2.2. В частушке исследованные слова реализуют, главным образом, символический комплекс значений «гармония», «посредничество между мужским и женским началом», «внешний маркер внутреннего состояния человека, главным образом, его настроения», «озорство», «раскованность», «деканонизация».

3. Реализация единиц с «вещной» семантикой в лирической песне и частушке имеет сюжетное закрепление. С одной стороны, рассмотренные слова участвуют в маркировке определенного сюжета, с другой, – выполняют функцию сюжетообразования. При этом частушечный сюжет отличается от сюжета лирической песни своей бытовой направленностью.

4. Единицы, называющие бытовые реалии, в лирической песне и частушке организуют определенную смысловую парадигматику, отражающую канонизированные представления о нормативном мироустройстве. Количество частушечных парадигм значительно превосходит парадигмы исследованных единиц в лирической песне.

5. Символическое содержание рассмотренных слов в рамках эстетической системы лирической песни и частушки формирует значимый фрагмент фольклорной языковой

картины мира, суть которого заключается в неразрывной связи мира вещей с миром людей:

а) человек, используя определенный предмет, взаимодействует с окружающим миром: защищается от его негативного воздействия, пытается познать этот мир, установить с ним контакт, присвоить себе, подчинить с целью облегчения процесса существования и выживания в нем, а также для осознания своего места в этом мире;

б) актуализация вещи в фольклорном тексте, как правило, предполагает такое развитие сюжета, при котором человек приведет эту бытовую реалию в действие, в то же время вещь сама провоцирует, толкает человека к действию, инициирует его активность;

в) вещь как культурный компонент фольклорного мироустройства является инструментом структурной организации внешнего мира;

г) «вещный» код является носителем информации о внутреннем состоянии человека в его отношении к окружающей действительности, актуализируя значимые позиции взаимодействия человека с человеком и материальными атрибутами;

д) при всей значимости «вещного» кода в рамках фольклорного пространства вещь заменяема другой вещью, причем выбор конкретной бытовой реалии может оказаться вторичным. Первичным является набор значимых смыслов, которые воплощаются в той или иной вещи (символика мужского начала может проявляться в единицах *рубаха*, *фуражка*, *гармошка* и т. д.).

Исследование культурно-символического наполнения единиц с «вещной» семантикой имеет **перспективы** как в плане анализа материала других жанров (загадки, сказки, заговора и т. д.), так и в плане расширения круга единиц, называющих бытовые реалии. Кроме того, в качестве перспективы работы представляется возможным сопоставление указанного символического содержания слов в двух системах диалекта – фольклорной и бытовой.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

1. Бохонная М.Е. Концепт «одежда» в языке фольклора (на материале частушки и лирической песни) // Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников Всероссийской школы молодых ученых. – Томск: Издание ТГУ, 2001. – С. 12-13.

2. Бохонная М.Е. Концепт «одежда» в языке фольклора // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сборник научных статей и тезисов I межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Томский политехнический университет, 2001. – С. 105-107.

3. Бохонная М.Е. Специфика реализации единиц с семантическим компонентом «одежда» в жанре лирической песни (на материале сибирского фольклора) // Материалы XL Международной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”: Языкознание / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2002. – С. 44-46.

4. Бохонная М.Е. Единицы с семантикой «одежда» как компонент языковой картины мира (на материале сибирской частушки) // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сборник научных статей и тезисов II межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Томский политехнический университет, 2002. – С. 370-372.

5. Бохонная М.Е. Особенности функционирования концепта «одежда» в пословице (на материале сибирского фольклора) // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». – Томск: Издание ТГУ, 2002. – С. 109-113.

6. Бохонная М.Е. Жанровая специфика реализации единиц с семантическим компонентом «одежда» в языке фольклора Сибири // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... Альманах Школы молодого автора. М.: Наталис, 2002. – С. 216-228.

7. Бохонная М.Е. Жанровая специфика цветообозначений единиц с семантикой «одежда» (на материале сибирской частушки) // Наука. Техника. Инновации. // Материалы докладов региональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в 5-ти частях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002. Часть 5. – С. 138-139.

8. Бохонная М.Е. Единицы платье, рубаха, юбка в жанрах сибирского фольклора // Материалы Общероссийской конференции «Наука и образование»: Томский государственный педагогический университет. Томск, 2003. – С. 140-143.

9. Бохонная М.Е. Роль единиц с семантикой «одежда» в реализации языковой картины мира (на материале сибирской загадки) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Материалы III научно-методической конференции молодых ученых 12-13 апреля 2002 г. – Томск: Издание Томского госуниверситета, 2003. – С. 10-12.

10. Бохонная М.Е. Анализ одной современной загадки в контексте специфики модификации жанра // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Материалы научно-методической конференции молодых ученых 11-12 апреля 2003 г. – Томск: Издание Томского госуниверситета, 2003, Часть 1. Лингвистика и литературоведение. – С. 199-201.

11. Бохонная М.Е. Жанровые особенности цветообозначения лексем со значением «одежда» в сибирской загадке // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы III Международной научной конференции и Учредительного семинара региональной (сибирской) ассоциации преподавателей английского языка (Umbrella-Siberia). Томск: Томский политехнический университет, 2003. – С. 117-120.

12. Бохонная М.Е. Единицы с семантикой «одежда» как отгадка в среднеобской загадке // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции. Томск: Издательство ТПУ, 2003. – С. 31-33.

13. Бохонная М.Е. О некоторых средствах реализации символического кода в сибирской загадке // Материалы XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2003. – С. 31-33.

14. Бохонная М.Е. Функции цветообозначения единиц с семантикой «одежда» в лирической песне (на материале сибирского фольклора // Лингвистический ежегодник Сибири. Выпуск 4-5. / Под ред. Т.М. Григорьевой; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2003. – С. 155-159.

15. Бохонная М.Е. Язык сибирской частушки как форма проявления карнавального мироощущения (на материале единиц, называющих предметы одежды) // Наука. Технологии. Инновации. // Материалы докладов Всероссийской научной конференции молодых ученых в 6-ти частях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. Часть 5. – С. 186-188.

16. Бохонная М.Е. Специфика реализации семантики «защита» в лирической песне (на материале единиц, называющих предметы одежды) // Актуальные проблемы русистики : Материалы Международной научной конференции (Томск, 21-23 октября 2003 г.) / Отв. редактор Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. Ч.2. – С. 39-45.

17. Бохонная М.Е. Символическое содержание единиц, называющих музыкальные инструменты, в языке среднеобской частушки // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. / Под ред. А.А. Казакова. – Вып.5. Ч.2.:Лингвистика. – Томск: Издание ТГУ, 2004. – С. 11-15.

18. Бохонная М.Е. Факторы жанровой маркированности единиц, называющих предметы одежды (на материале сибирской частушки) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. / Под ред. Т. М. Григорьевой; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2004. – С. 129-139.

19. Бохонная М.Е. Единицы «вещного» мира в среднеобской загадке: традиционное и современное (на материале единиц, называющих предметы одежды) // Вестник молодых ученых. Выпуск I. Сборник лучших докладов XI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: Гарт, 2004. – С. 199-205.

20. Бохонная М.Е. Специфика реализации единицы «гармошка» в жанре частушки (на материале сибирского фольклора) // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”: Языкознание / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2004. – С. 3-4.

21. Бохонная М.Е. Жанровые особенности реализации единиц с семантикой «письменные принадлежности» в частушке (на примере реализации единицы *записка*) // Язык и культура в евроазиатском пространстве: Сб. статей XVII Международной научной конференции / Отв. ред. С.К. Гураль: В 2 т., Томск, 2004. Т.1. – С. 21-25.

22. Бохонная М.Е. Жанровые особенности реализации единиц с семантикой «вещного» мира (на материале частушки) // Славянская филология: история и современность: Материалы Международной научной конференции / Под ред. Е.А. Косых, Барнаул, 2004. – С. 27-30.

23. Бохонная М.Е. Смена фольклорной парадигмы: традиционное и современное в фольклоре // Материалы XI Международной научной конференции «Ломоносов» – Выпуск 12-М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 150-151.

24. Бохонная М.Е. Что «на столе стоит...»? к вопросу об устойчивости формулы частушки // Наука. Технологии. Инновации // Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых в 6-ти частях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, Часть 6. 2004. – С. 163-164.

25. Бохонная М.Е. Единицы, называющие посуду, в языке среднеобской частушки // Материалы XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» – Том 4-М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 175-177.

26. Бохонная М.Е. Принципы фиксации фольклорного материала // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Материалы VI Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 6. Часть 1: Лингвистика.– Томск: ТГУ, 2005. – С. 15-17.

27. Бохонная М.Е. Специфика цветообозначения единиц с «вещной» семантикой в языке загадки (на материале среднеобского фольклора) // Наука и образование: Материалы VI Международной научной конференции (2-3 марта 2006 г.): В 4 ч. / Кемеровский государственный университет. Беловский институт (филиал). – Белово: Беловский полиграфист, 2006. – Ч. 3. – С. 66-69.